

СТРЕМЛЕНИЕ

Г. Остроликий

Г. Остроликий

Стремление

«Автор»

2026

Остроликий Г.

Стремление / Г. Остроликий — «Автор», 2026

Исключительная пытливость ума позволила Эвандеру Флитвуду постичь невозможное - он обнаруживает ключ к созданию универсального лекарства от рака. Но сможет ли он превратить открытие во всеобщее благо, не поддавшись искушению окружающего мира, который признает в человеке лишь жадность и амбиции?

© Остроликий Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. История одного исследования	5
II. Как же выбраться из купола?	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Г. Остроликий

Стремление

I. История одного исследования

Обнаружив себя лежащим на мокром от реагентов и собственной крови полу, Эвандер понял две вещи. Во-первых, недалеко от наружной складки левого глаза, там, куда приземлилась разбитая колба, останется глубокий, неказистый шрам. А во-вторых — шрам этот будет служить вечным напоминанием о дне, когда он совершил, возможно, одно из самых главных открытий в истории медицины.

И тщетными оставались попытки студентов, пришедших пораньше в лабораторный корпус Авертонского университета с надеждой на умиротворенное чаепитие перед началом учебного дня, усадить пострадавшего на стул. Не по годам грузное тело врача-фармаколога со взглядом, словно застывшим в молчаливом созерцании момента обретения новой, до сих пор неизведанной крупницы таинства Вселенной, долго еще не хотело содействовать оказанию ему первой помощи.

В голове же тем временем проносилась история собственной жизни, мелькали ключевые события, приведшие к этому мгновению: первые обмороки однокурсников на занятиях в операционной и первые лица больных на практике в онкологическом отделении, споры с пациентами насчет методов лечения и получение места в лаборатории при университете по постдокторской программе, безвозмездное участие в клинических испытаниях новых лекарств и ночная работа над собственным исследованием иммунных механизмов борьбы с опухолями... И наконец, серая, едва заметная лужица в колбе под объективом микроскопа, подтверждающая существование белка, способного при активации механизма апоптоза самоуничтожить дефектные клетки организма, полностью избавив его от рака.

Патент, по рекомендации одного из лишенных утренней церемонии студентов, ставшего в дальнейшем частью команды по разработке конечного препарата для лечения всех форм карциномы, — был получен через месяц после знаменательного дня открытия. А через год коробки с необходимым для исследований оборудованием практически целиком загородили собой окна второго этажа лабораторного корпуса, создавая днем особенно благоприятствующую трудовому процессу полутемь, так полюбившуюся главному исследователю во времена работы над великим открытием.

Частная онкологическая клиника, в которой Эвандер успел получить репутацию добросовестного специалиста и неустанно продолжал вести врачебную практику, предложила своему сотруднику финансирование проекта, заблаговременно именованного некоторыми ее сотрудниками, не утруждающими себя долгими поисками названий для действительно значимых вещей, панацеей.

Приступы бессонницы нашли прибежище и плотно укоренились в ничуть не беспокоящемся об их существовании организме вчерашнего аспиранта, всецело поглощенного мечтанием о вот-вот оказавшемся явлю чудотворном лекарстве, что даровало бы право на вторую жизнь миллионам несчастных по всему свету. И, конечно, где-то на окраине сознания, по соседству с этой благочестивой мыслью, роились и мысли более обыденные, более прагматичные и менее добродетельные. Мысли о хорошем выходном костюме, таком, в которых предстают перед толпами обожателей звезды телеэкранов. Об обители чуть побольше и чуть повиднее, чем то, что у него есть сейчас, возможно, недалеко от Гринвичской обсерватории в Хай-Лондоне, а хоть бы и для начала — в центральном районе своего родного городка, Авер-

тона. О приветливом личном водителе, непринужденно затевающем во время езды малозначимые беседы и незамедлительно их завершающем, когда Эвандеру они начинали бы наскучивать. Но то были мысли незначительные, появляющиеся иногда и как бы невзначай, в минуты, когда забота о собственном научном детище ненадолго покидала пытливого разум, оставляя его наедине с бытовыми тяготами и повседневными насущными хлопотами.

А время, с проворством изголодавшегося по добыче хищника, неумолимо кралось вперед, оставляя за собой усталость от неудачных доклинических испытаний пробных препаратов, тревожность от постепенного истощения финансируемых средств и раздражительность от возникающих с досадной постоянностью разногласий относительно применяемых методик, используемых реагентов и степени зависимости успеха проводимых экспериментов от погоды за окном.

Ярким маяком, озаряющим путь к предназначению, служил блеск в глазах главного исследователя, который упрямо вел его сквозь возникающие трудности. И лишь крохотный плодик сомнения, зарывшийся втайне ото всех в самую глубину его сердца, поселил вслед за собой тягучее, будто только что проступившая смола, чувство неудовлетворенности, заражавшее устремленный вперед взгляд оттенком беспокойства.

Увлекаемый этим чувством, Эвандер начал отчетливо сознавать потребность в переменах, невольно для себя самого желая какого-нибудь революционного события, способного вернуть в движение шестерни устоявшегося жизненного порядка. И вот, в день, предшествовавший дню его тридцатитрехлетия, в почтовом ящике он обнаруживает письмо с предложением о покупке патента на совершенное им открытие...

II. Как же выбраться из купола?

Мягкое августовское солнце лениво взбиралось вверх по небосводу. Утренний ветерок то и дело докучал кронам растущих вдоль улицы Фартинг-Лейн каштанов, а те отвечали гулким шелестом раскидистой листвы, разносившимся по всей округе. Редкие прохожие проплывали вдоль плеяды однотипных кирпичных домов, беззаботно улыбаясь и приветливо махая при попадании в зону видимости друг друга.

Эвандер сидел на крыльце своего дома, пуская в атмосферу клубы сигаретного дыма. Этот ритуал, проводимый каждый день перед выходом на работу, был заведен им в первый же день после переезда. Обычно в эти минуты доктор думал о делах, стараясь сформировать план на текущие исследования. Но в последнее время эти рассуждения уступили навязчивой мысли о том, что место его обитания успело ему порядком надоесть. Жилищная ипотека выплачена не более чем наполовину, а это значит, что о новом жилье вряд ли посчастливится задуматься в ближайшие шесть лет.

Из всех предложений это место приглянулось доктору обилием зелени — «иногда приятно ощутить себя словно на опушке леса, просто приоткрыв входную дверь», — рассуждал он. Кроме того, Авертонский университет находился отсюда всего в нескольких автобусных остановках, что избавляло от необходимости траты средств на собственный автомобиль. Как это водится, недостатки вещи начинают обнаруживать себя только после ее приобретения.

Оказалось, что в округе множество человек разделяли его тягу к дикой природе. Однако на этом, к великому сожалению Эвандера, их общие интересы заканчивались. Местные жильцы являли собой редкий пример образцовых соседей, идеальных настолько, что различать их можно было не иначе как по количеству полос на галстуках и горошков на платках. Эти люди виделись ему воплощением воздержания от амбиций и отказа от успеха, словно самим своим существованием препятствовавшие достижению его собственных целей. Они ходили друг к другу в гости (частенько приглашая и Эвандера, когда удавалось застать его дома), по выходным рылись в земле на задних дворах (сажая тонны растений всевозможных видов и, по всей видимости, стараясь превратить свои пятьдесят квадратных метров в королевскую оранжерею), заводили и выгуливали по утрам своих домашних питомцев (как будто им в скором времени, а кому-то и уже, будет недостаточно детей) и, кажется, совершенно не заботились о том, чтобы нарушить этот порочный круг среднего достатка. Со временем у доктора начало появляться болезненное ощущение, будто вся окрестность покрыта каким-то невидимым куполом, и все, что находится внутри него, рискует рано или поздно погрязнуть в необратимой атмосфере статичности и унылой праздности. Мысли о куполе тревожили его тем чаще, чем дольше он находился в обществе вечных дегустаций выпечки и разговоров о погоде, поэтому все больше времени он проводил в институте, вечерами бездельно слоняясь по коридорам, а затем возвращаясь домой пешком к полуночи.

В задумчивости Эвандер забыл про табак, и тот, истлев до основания, обжег округлые пальцы, за что незамедлительно был отправлен к порогу вниз по ступенькам. Хозяин дома отнюдь не был неряхой, предпочитая оставлять за собой должный уровень чистоты везде, куда бы ни приходил, и только на собственной территории мог позволить себе некоторую вольность в вопросе соблюдения порядка. Окурок прокатился по брусчатой дорожке и затерялся в траве, недалеко от картонной коробки из-под макулатуры, рассеянно оставленной на придомовом газоне пару дней назад.

Бегло взглянув на часы и наскоро пригладив вечно норовящие растрепаться на ветру коротко стриженные темные волосы, Эвандер машинально пошарил руками по сторонам в поисках рабочего портфеля, однако найти его не удалось. Он поднялся, отряхнул штаны и стал оглядываться вокруг в надежде обнаружить пропажу где-то поблизости, но и эта попытка не

увенчалась успехом. «Скорее всего, оставил в прихожей, пока обувался... Нет же, вчера переполнился почтовый ящик, я переложил письма в сумку, когда возвращался домой, а потом вывалил их на книжный столик вместе с остальными бумагами, хотел было найти счета. Ох!...» — вспоминал он.

Распахнув входную дверь, он нырнул внутрь дома. Подумал было снять обувь, но, еще раз взглянув на часы, решил оставить эту затею. В неуклюжих стараниях как можно меньше наступать на пятки, просеменил через прихожую, заполненную чрезмерным для такого маленького помещения количеством различных стульев и табуреток, в совмещенную с кухней гостиную. Все было на своих местах: флотилия кружек из-под чая, выстроенных в раковине ровными рядами для помывки, небольшой искусственный камин, неестественно торчащий из стены, запыленные столбы из книг, расставленные по углам комнаты, покой которых, кажется, не нарушали уже целую вечность, вычурный красный диван посередине и, словно вынесенный прямиком из королевского дворца, одинокий табурет богемного вида с протертым сиденьем, ярко контрастирующим с блеклым интерьером помещения. А еще — настольные лампы, банки из-под специй, полупустые стеллажи, кухонные принадлежности, полки с дверцами, старые газеты и одинокий крючок над книжным столиком, неровно прибитый к стене, на котором висел исключительно чистый и аккуратно сложенный наряд, состоящий из светло-синей рубашки поло (на вид явно не из дешевых) и весьма удачно подобранных к ней брюк классического типа.

Эвандер подошел к столику и спешно начал укладывать в портфель необходимые для работы бумаги. Письма, так и оставленные нетронутыми с вечера, посыпались на пол. Среди общей массы счетов и рекламных объявлений внимание Эвандера привлек один конверт, мелкий и невзрачный сравнительно с остальными — словно специально созданный для того, чтобы затеряться среди прочей макулатуры и остаться незамеченным. Он быстрым движением подобрал письмо с пола и, еще раз взглянув на часы, перевернул лицевой стороной. Надпись «Коммерческая возможность» и указанный в адресе отправителя Хай-Лондон заставили его немедленно распечатать конверт.

«Уважаемый г-н Флитвуд,

Надеюсь, это письмо застанет вас в добром здравии. Несколько звонков вам остались без ответа, поэтому было принято решение отправить данное сообщение. Я обращаюсь по вопросу, который, как мне представляется, будет иметь для вас значительный интерес. Технология, запатентованная вами, привлекла мое внимание, и я убежден, что заложенный в ней потенциал, как с финансовой, так и с моральной стороны, должен быть раскрыт наилучшим образом.

С этой целью позвольте пригласить вас на обед, чтобы обсудить возможности приобретения упомянутого патента на взаимовыгодных условиях. Рад предложить вам встречу в располагающей обстановке в заведении на улице Провиденс, Авертон, 14 августа, в 13:00, для рассмотрения всех деталей. С наилучшими пожеланиями,

С наилучшими пожеланиями,

Эдрик Уинслоу».

Забыв про намерение оставить пол как можно более чистым, медлительным и грузным шагом Эвандер добрал до табурета, держа в одной руке распечатанное письмо, а в другой полупустой, раскрытый нараспашку портфель. Застыв на минуту над предполагаемым местом посадки, он еще раз перечитал текст, остановившись на дате: «Это же сегодня, через несколько часов!»

В голове царил лабиринт эмоций, главной из которых было замешательство. «Несколько звонков без ответа, и как я мог их пропустить... Почему письмо с такой важной темой, да еще и связанное напрямую с работой, отправили на домашний адрес? И кто этот Уинслоу

из Хай-Лондона, вряд ли я помню кого-то с такой фамилией, кого он представляет? Кого-то точно должен, не может же это быть одинокий энтузиаст, решивший заняться разработкой универсального лекарства от карциномы... Впрочем, и я был таким же и задавался теми же целями. Но что за банальная, унижительная нелепость — вот так предлагать человеку продать дело всей его жизни, скорее всего, какая-то ошибка или баловство... А может, и того лучше, мошенничество... Да ведь подобные предложения, помнится, поступали и раньше, однако же я совершенно не обращал на них внимания, так стоит ли в таком случае беспокоиться об этом сейчас?..» — думал Эвандер.

Едва присев на табурет, он вдруг вздрогнул от резкого и оглушительного хлопка оставленной открытой входной двери — задувший еще утром ветерок, по всей видимости, не спешил становиться забытым, крепчая и без зримой на то причины возмущаясь окружающим его миром. Хлопок вывел Эвандера из состояния задумчивости, заставив вспомнить сначала о наручных часах, а затем и об автобусе, и о месте, куда этот самый автобус должен был его доставить. Он небрежно сунул в карман скомканный листок бумаги, подошел к плите и отхлебнул воды из чайника, застегнул портфель, вероятно, забыв, что половина бумаг осталась на книжном столике, и стремительно двинулся по направлению к остановке общественного транспорта.

Легкая маска тревожности застыла на его лице, широко раскрытые глаза беспокойно бегали от одного края улицы к другому, и сам он пребывал в каком-то отчужденном, но в то же время и приподнятом настроении, словно желаемое им в течение долгого времени, хоть и совершенно не так, как он себе представлял, а все-таки начинало исполняться. «Стоит ли идти на встречу? Не возьмут же меня прямо в этом кафе в плен, даже если это какой-то глупый развод, ничего общего с, как они написали, деловым предложением в действительности не имеющий... А что если и правда какая-то крупная компания заинтересовалась исследованиями. Возможно, хотят предложить финансирование... Точно! Ищут перспективные проекты для вложения средств, а про приобретение патента написали так, для громкого словца. На самом деле хотят быть партнерами, а это пришлось бы очень кстати. Авертонская клиника выделяет все меньше и меньше средств, Энтони в прошлом году ушел, а ведь он работал в команде с самого начала. Если не он, сейчас бы не было ни патента, ни лаборатории... Средства бы не помешали, да и сколько наконец можно ждать заслуженного признания? Много ли из тех людей, кто являет собой символ успешности в современном обществе, могут похвастаться благодарством устремлений, сравнимым с поставленной мною миссией». Тут доктору на ум пришел недавний выпуск утренней передачи, в котором обсуждалось будущее студентов какого-то регионального университета. Одного предпринимателя, некогда сумевшего привлечь исключительно круглую сумму на дальнейшее развитие деятельности своей компании, попросили записать небольшое напутственное обращение к молодому поколению, только избирающему жизненный путь. «Как же говорил тот парень? „У вас критически мало времени на самореализацию. Сыграйте с собой в игру: представьте, что вам во что бы то ни стало нужно добиться успеха до двадцати семи, иначе вы умрете с наступлением этого возраста“. Диковато, конечно, а все-таки в чем-то он прав. Успех — вот что определяет человека, есть победители и есть все остальные. А что, в свою очередь, определяет успех, как не возможность распоряжаться своей жизнью так, как вольно тебе брать от нее все, что бы только тебе ни заблагорассудилось, ведь, в конечном счете, она так коротка. Эх-х, а ведь свою-то игру я, выходит, уже проиграл...» — Он осекся, огляделся по сторонам, будто испугавшись, что кто-то может подслушать его мысли. Сделал глубокий вдох, поправил волосы, незамедлительно вернувшиеся в исходное беспорядочное состояние, закурил. «Нет, и думать о таком непозволительно. Слишком много сил вложено мною в этот проект. Несколько минут своего времени — вот все, что я могу им предоставить, кем бы они ни были... Или не идти совсем? Да, сейчас в исследованиях мы претерпеваем период стагнации, клинические эксперименты смогли бы серьезно продвинуть дело, но для их проведения нужно сначала получить соответствующие разрешения, доказыва-

ющие успешность доклинической стадии. И рано или поздно мы найдем нужную формулу, не оказывающую побочного действия на организм испытуемого, нужно только время. Не знаю, что они собираются предложить, если собираются, но продавать патент, оставлять то, над чем трудился... Ни за что!» — размышлял он, поднимаясь вверх по небольшому уклону тротуара, ведущему к маленькому и опрятному местному парку.

Дорожки были усеяны цветками каштана с розоватыми сердцевинками, проглядывающими сквозь белые лепестки. Вдоль всей аллеи тянулась невысокая живая изгородь, прерываемая в некоторых местах ответвлениями, которые вели вглубь парка сквозь изобилие густо посаженных мимоз, магнолий и ясеней к крохотному озерцу с одной стороны и к стенам домов на соседней улице с другой. Вечно переполненные скамейки вокруг центрального фонтана, имевшего вид трех возвышающихся чаш со статуями диких животных у основания, были выкрашены в темно-зеленый цвет. Жильцы со всей округи, прогуливающиеся по парку в одиночестве, в компании знакомых или с домашним питомцем, чуть ли не в очередь выстраивались, чтобы занять удобное положение для созерцания переливающихся в лучах солнца пыльно-голубоватых капель воды, мерно стекающих ровными струями вниз по гранитной конструкции.

Меньше всего Эвандеру хотелось в этот момент встречать знакомые лица и затевать непринужденные разговоры — но именно это и произошло. Миссис Лоренс, по всей видимости, выгуливала недавно заведенную на радость своему мужу собачонку породы той-пудель. Та что-то усердно вынюхивала в листве возле фонтана, недовольно фыркая, когда на нее попадали сносимые ветром капли воды.

— О, мистер Флитвуд, вот так сюрприз!

Эвандер неохотно затушил табак о ближайшую урну, выкинул остатки и повернулся в сторону своей соседки. «Сюрприз? Мы видимся на этом самом месте почти каждый день».

— Доброе утро, миссис Лоренс! Как ваши дела?

— Все отлично, благодарю! Выгуливаю Козетту, ей нравится бегать у фонтана.

Собака просеменила к ногам доктора, внимательно обнюхала подошву ботинка, затем тавкнула, украдкой взглянула на лицо своей хозяйки, и затрусил к ее ногам. Эвандер выдавил из себя натянутую улыбку.

— Какая хорошенькая у вас собачка.

— А знаете, мне кажется, вам тоже стоит завести такую. Будет охранять дом, пока вы проводите время на работе. Хотя от кого здесь у нас охранять дома, все же свои! — миссис Лоренс непринужденно рассмеялась. Надо сказать, голос у нее был весьма приятный. Даже Эвандеру, находившему данный диалог бесцельной тратой времени, стало чуточку светлее на душе от звонкого, мягкого женского сопрано. — А по вечерам можно было бы выгуливать их всем вместе, Чарльз тоже будет ходить с нами. После того, как дочь уехала в колледж, он слишком много времени стал проводить дома перед телевизором...

— Да, обязательно задумаюсь над приобретением.. Кстати, большое спасибо за запеканку, признаться, она была очень вкусной. — Эвандеру действительно нравилась запеканка миссис Лоренс, как, впрочем, и все блюда, любезно предоставляемые ею в качестве угощений. — Я скоро занесу вам блюдо. Честно признаться, я опаздываю...

— А как твой шрам? Погляди, уже совсем и не видно, — перебила его собеседница, входящая во вкус разговора. — Значит, та мазь, которую я советовала в прошлом году, все-таки помогает! Какая замечательная у вас выдалась, однако, история, связанная с этим шрамом. Чарльз был просто в восторге, когда вы с нами ею поделились. После этого мы рассказываем всем нашим знакомым, какой даровитый у нас есть сосед! — Миссис Лоренс снова громко рассмеялась. — Вы все еще работаете над лекарством? Надеюсь, у вас все непременно получится, если не сегодня, так завтра! Ох, вы же еще работаете в онкологической клинике, так ведь? И когда вы только все успеваете!

— Стараюсь не тратить время на пустяки... — Тут Эвандер замялся, постаравшись извлечь из себя непринужденный смех, подражая миссис Лоренс. — Прошу меня простить, но я опаздываю на автобус, скоро как раз начинается рабочий день.

— Да, конечно, вот уж я со своими разговорами, — спохватилась собеседница, начав разыскивать глазами питомца. Цветок каштана, оторвавшись от ветки, приземлился ей прямо на ресницу. — Погодка-то сегодня просто чудо, да только ветер что-то разгуливается не на шутку. Проходила по соседнему кварталу, так там совсем никакого ветра и нет. Словно нашу округу куполом каким накрыло, да вместе с ветром с этим, вот он и буйствует здесь у нас, не может выбраться. Ну, всего хорошего, мистер Флитвуд!

— А про купол это вы здорово подметили, и мне так кажется...

Эвандер ошарашенно уставился прямо перед собой. Машинально попрощавшись, он медленно поднял голову на безоблачное небо. Размеренно покачиваясь, шелестели кроны деревьев, тихо плескаясь, пенилась вода в фонтане, где-то вдали, порхая крыльями, щебетали птицы. От растерянности и желания как можно сильнее уйти в себя, скрыться от окружающего мира, он ссутулился, притянул чемодан поближе к себе одной рукой и засунул другую руку в карман — пальцы уткнулись в скомканный клочок бумаги.

Оставшуюся часть парка он преодолел, полностью погрузившись в свои мысли. По его расчетам, на намеченный автобус он уже успел прилично опоздать, так что спешить было некуда. Пройдя сквозь приоткрытые резные металлические ворота, которые давно перестали закрывать на ночь — не то по просьбе самих жильцов, не то из-за нерадивости местной муниципальной службы, — Эвандер свернул вправо на широкий асфальтовый тротуар, ведущий напрямик к остановке.

Автобус вальяжно выкатился из-за угла, приветливо подмигивая доктору указателем поворота. Выждав положенное время на светофоре, он не спеша пересек перекресток, добрался до следующей контрольной точки своего маршрута и остановился, разложив по сторонам входные двери. «Я успел к своему автобусу? Или это уже следующий? Который час? А, какая разница!» — подумал про себя Эвандер, устремившись к остановке.

Запыхавшийся, с проступившей на лбу испариной, он схватился за дверные перила и неторопливо начал загружаться в салон. Народу внутри было необычно много, и после небольшого спринта у него появилось ощущение, будто он попал в разогретую духовку. Потеснившись, он кинул взгляд назад, в сторону своего дома и парка, подумав: «Пожалуй, нужно послушать про это деловое предложение. По крайней мере, угощусь обедом за чужой счет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.